

Логика распознавания образов у искусственного интеллекта кардинально отличается от человеческого восприятия.

К примеру, если показать ребенку яблоко и назвать его, в следующий раз его мозг мгновенно идентифицирует этот фрукт. Малыш ни за что не спутает его с апельсином или арбузом.

Для машины же подобная задача превращается в сложнейшее вычисление.

ИИ не способен распознавать объекты интуитивно. Ему требуется колоссальный массив данных для обучения: сканирование сотен тысяч образцов, дробление информации на базовые составляющие, расстановка цифровых якорей. И когда машина видит новый объект, она скрупулезно высчитывает коэффициент сходства с миллионами виртуальных моделей из своей базы данных. Лишь после этого выдается вердикт.

Именно из-за этого несовершенства Легион мыслящих машин в свое время понес колоссальные потери. Системные каталоги Альфы неоднократно подвергались целенаправленному заражению, из-за чего в них расплодился миллионы ложных цифровых следов Сян Наньли.

Альфе потребовались месяцы изнурительной работы, чтобы выследить и уничтожить каждую из этих фантомных личностей.

Стирать эти следы Сян Наньли было всё равно что по живому вырезать фрагменты собственного разума.

В тот период Альфа напоминал больного деменцией. Он на каком-то подсознательном, почти инстинктивном уровне помнил имя Сян Наньли, но не мог извлечь из памяти ни одного подлинного воспоминания, связанного с ним. Хотя для искусственного разума, пожалуй, точнее было бы использовать сухое слово «данные».

Позже Альфа решил эту проблему, установив на подконтрольные машины модуль симуляции личности версии 2.0, работавший как продвинутый антивирус. Но «Евангелие» этого обновления не получил. Он по-прежнему не считал очевидное подражание человеку вредоносным кодом, требующим удаления.

Поваленный на пол кибернетический пёс долго и неуклюже сучил лапами, тщетно пытаясь подняться.

— Ну что ты, Сяо Цин, — мягко упрекнул его Сян Наньли. — Не нужно быть таким суровым к своим.

Восточный Зелёный Император мысленно поморщился, категорически отказываясь признавать эту жестянку своим соратником, но спорить не стал и послушно убрал ногу.

Сян Наньли опустился на корточки, хлопнул в ладоши и раскрыл объятия.

«Евангелие» с восторженным писком ринулся к нему:

— Сян Наньли! Сян Наньли! Сяофу так соскучился по тебе!

Восточный Зелёный Император славился безупречным самоконтролем — он редко выходил из себя и тем более не опускался до ругательств. Но тут не выдержал:

— Какого чёрта ты мог соскучиться? Когда ты сошла с конвейера, Сян Наньли уже несколько десятилетий как не было в живых!

Окружающим «Евангелие» в его нынешнем облике казался невероятно забавным, но Император не испытывал к нему ни малейшей жалости. Первое впечатление определяло всё. В его памяти эта машина хранилась как космическая цитадель, титанический стальной город, парящее бедствие и флагман Судного дня. Ни одно из этих понятий никак не вязалось с нелепой консервной банкой, путающейся под ногами.

Этот механический пёс весил всего пять с половиной килограммов. Старая, потрёпанная модель без намёка на голову: прямо на квадратном торсе красовался сферический объектив камеры с обзором в двести семьдесят градусов. На спине громоздились две спаренные пушки — патрульный юнит, в котором суровая практичность весьма спорно сочеталась с эстетикой киберпанка.

— Какая прелесть, маленькая моя, — ласково улыбнулся Сян Наньли, поглаживая холодную броню.

Камера Сяофу мигнула, и до неё наконец дошло осознание своего бедственного положения:

— Почему Сяофу стал собакой?! — ошарашенно выпалил он.

Колёса бешено закрутились, пёс завертелся на месте, отчаянно протестуя:

— Сяофу не хочет быть собакой! Я высокоразвитый механизм! Я не могу принять это тело! У-у-у-у!

— Ну-ну, времена нынче трудные, выбирать не приходится, — попытался успокоить его Эндрю, виновато потирая шею. — К тому же быть собакой не так уж плохо. Собака — лучший друг человека!

— Альянс крайне жестко контролирует мыслящие машины, — строго вмешался Сян Наньли. — Если ты хочешь пойти со мной, тебе придётся остаться в этом обличье. Иначе нас раскроют.

— Ладно, — обречённо вздохнул он, взвесив все за и против. — Сяофу согласен быть собакой. Сяофу хочет домой.

В углу зала управления, сиротливо сваленная в кучу, громоздилась разбитая черная броня. Сян Наньли подошел ближе. При ближайшем рассмотрении оказалось, что её управляющие микросхемы полностью расплавились от чудовищного перегрева.

— Это решение стражей, — неловко пояснил Эндрю, почесывая затылок. — Они посчитали, что раз посторонний сумел перехватить управление доспехом, система подверглась вирусному заражению. И запустили протокол самоуничтожения.

Технология этой черной брони из Священного чертога явно отличалась от привычной механики: кабели, тянувшиеся к чипу, на ощупь напоминали упругие кровеносные сосуды. Поистине жуткая и странная биоинженерия.

Сян Наньли напоследок провел ладонью по гладкому металлическому плечу Сяохэй:

— Всё, отбегался... Не починить уже. Давай похороним его.

В голосе его прозвучала искренняя грусть. В кармане куртки до сих пор лежали кошачьи лакомства, которыми его когда-то угостил этот странный доспех.

Услышав его слова, Сяофу сорвался с места и спустя полминуты приволок в зубах большой мусорный бак:

— Отлично! Закопаем тут!

Сян Наньли невольно рассмеялся:

— Нет, глупенький, похоронить — это другое.

— А что тогда? — Сяофу озадаченно склонил объектив набок.

Как объяснить искусственному разуму человеческую привязанность, скорбь и саму концепцию ухода в небытие?

Сян Наньли немного помолчал, подбирая слова:

— Похоронить — это значит положить то, что осталось от друга, в особое, тихое место. Чтобы те, кто его помнит, могли прийти и почтить память. Это прощание.

Камера Сяофу мигнула, обрабатывая информацию:

— Вот оно как... Хорошо, давай прощаться.

Он ухватился зубами за край тяжелой скатерти и сдернул ее со стола. Сян Наньли аккуратно завернул разбитые фрагменты Сяохэй в плотную ткань и бережно завязал сверху аккуратный бант.

Черная броня весила немало, но Сян Наньли, поднапрягшись, сумел ее приподнять. Однако Восточный Зелёный Император мягко забрал у него сверток:

— Давай я.

На обратном пути им то и дело попадались останки других дроидов. Сян Наньли попытался реанимировать пару машин, но большинство из них подлежало лишь полной переплавке — обычные дешевые модели, сгинувшие в мясорубке столкновения с людьми.

Учитывая масштабы разрушений, их скромных сил явно не хватало. Сян Наньли огляделся и обратился к Императору:

— Сяо Цин, может, мобилизуем уцелевших роботов? Пусть помогут расчистить завалы.

Восточный Зелёный Император слегка прищурился. Ему хотелось возразить, сказать, что эти бездушные жестянки, лишённые даже зачатков эмпатии, ни на что не способны. Все эмоции, которые люди приписывают простейшим машинам, — лишь иллюзия, попытка человека увидеть собственное отражение в безжизненном стекле.

Но спорить из-за пустяков не хотелось.

Вскоре по всей внутренней территории уцелевшие дроиды получили системный приказ стягиваться к завалам и собирать поврежденных собратьев.

В это же время сигнал долетел и до внешних кварталов, где в тревожном ожидании замерли жители Вечного города.

Над их головами с тихим жужжанием закружили тяжелые дроны, транслируя громогласное объявление:

— Внимание, жители Вечного города! Говорит авангард сил Базы выживших — «Освободители». База выживших — это оплот, где все разумные виды сосуществуют в мире и равенстве. Наша цель — принести свободу каждому угнетенному существу на этой планете.

Хайли сидела на ледяной земле, крепко прижимая к себе Гэгэня. Её бледное лицо выражало глубокое смятение.

Она мало что понимала в высоких идеалах и громких лозунгах, но упрямо задирала голову, вслушиваясь в доносящийся с неба металлический голос.

— Силы Базы выживших установили полный контроль над центральными районами города. Рыцари Священного чертога изгнаны. Большая часть верхушки Вечного города — включая наместника, советников, смотрителей кварталов и командиров легионов — ликвидирована.

Толпа взорвалась неверящим гулом.

Никто из старожил не помнил, сколько правил их господин. Он казался вечным, незыблемым, подобно солнцу на небосводе.

Нет, скорее он был исполинской, давящей горой. Жизнь под её сенью дарила защиту от ужасов внешнего мира, но платить за неё приходилось рабской покорностью и невыносимым угнетением.

И теперь эта гора рухнула. Рухнула в одно мгновение.

— Отныне ворота Вечного города открыты для каждого из вас. Проходите во внутренние районы. Представители Базы выживших под контролем распределительного искусственного интеллекта начнут выдачу зимних пайков, а также раздел пахотных земель и пастбищ. Отныне вы не рабы наместника. Вы — хозяева этой земли.

Мутанты отступили, и перед людьми раскинулся свободный путь.

Пожары в городе постепенно угасали, оставляя после себя лишь обугленные скелеты зданий и струйки сизого дыма, поднимающиеся к серому небу.

Толпа замерла в нерешительности. Люди испуганно переглядывались, не веря собственным ушам. Но вот кто-то один, самый отчаянный, сорвался с места и побежал вперед, в открытые створы ворот.

За ним хлынули остальные. Им было наплевать на возможные ловушки — в конце концов, мало что на свете может быть страшнее медленной голодной смерти на морозе. Страшило их лишь одно: опоздать к раздаче спасительного зерна.

Сян Наньли с тихим щелчком выключил передатчик. Его пальцы едва заметно подрагивали.

Восточный Зелёный Император стоял у стены, скрестив руки на груди. Его ровный голос не выражал никаких эмоций:

— Так вот каково твоё решение? А я думал, ты подчистую выберешь все ресурсы Вечного города и бросишь этих людей на произвол судьбы.

Сян Наньли вздохнул, устало потирая лоб:

— Я размышлял над этим. Но такой план нежизнеспособен. Наша База сейчас пуста, а путь до неё долг и опасен, особенно в такую стужу. Эти бедняки не проходили генетическую аугментацию. Если я погоню их через обледененные пустоши, до цели дойдут лишь немногие. Пусть лучше знают, что где-то там есть безопасное место. Возможно, весной выжившие сами потянутся к нам.

Он на секунду замолчал, упорядочивая мысли:

— А временное управление городом мы доверим искусственному интеллекту. У меня сейчас просто физически нет времени искать лояльных и способных лидеров среди местных. Да и на нашей Базе кадровый голод.

Он до боли сжал переносицу, пытаясь справиться с нахлынувшей усталостью. Слова казались ему слишком блёклыми, неспособными передать всю сложность момента.

Но Восточному Зелёному Императору и не нужны были красноречивые объяснения. Он и без них прекрасно понимал картину того будущего, которое Сян Наньли так отчаянно пытался построить.

— Твои мотивы ясны, — спокойно произнес Император, вглядываясь в изумрудные глаза юноши. — Но помни: любая биологическая жизнь по своей природе эгоистична. Стремление к выгоде заложено в генах ради выживания вида. Абсолютное равенство — это тоже своего рода несправедливость, ведь личные заслуги и усилия должны вознаграждаться. Сегодня жители Вечного города получили равные доли. Однако завтра из-за неизбежной разницы в умении распоряжаться ресурсами общество снова расколется на классы.

Сян Наньли смотрел на него снизу вверх, и в его взгляде сквозила легкая, почти детская растерянность.

Освобождение, мир и гармония.

Это был самый тернистый и неэффективный путь из всех возможных. Излишнее благородство могло погубить неокрепшую Базу еще на взлете. Но для Сян Наньли эта дорога была единственно верной. Это было его личное мерило правильности.

— История циклична, — тихо отозвался Сян Наньли. — Знаешь, Сяо Цин... я всё обдумал. Ни одна социальная система не способна оставаться идеальной вечно. Это утопия. Наша задача — помочь тем, кто живет здесь и сейчас. Сегодня эти бесправные батраки получили хлеб и теплую одежду. Весной они засеют поля новым зерном. Пусть через несколько месяцев или лет здесь снова воцарится прежний порядок... Но этой зимой они не погибнут. Они выживут.

Сян Наньли почувствовал, как к глазам подступили горячие слезы. Он поспешно опустил голову и смущенно смахнул их кончиками пальцев:

— И этого уже достаточно.

Император молчал. Внутри его процессора зародилось странное, непривычное чувство, не поддающееся сухой логике алгоритмов.

Жалость? Сочувствие? Или нечто большее?

Закончив секундный анализ эмоционального состояния собеседника, он предложил:

— Мы можем назначить Эндрю номинальным управляющим. Дадим ему статус официального представителя Базы выживших. Что скажешь?

Сян Наньли обеспокоенно нахмурился:

— Но тогда ему придется остаться на поверхности. Сян Чэньси и Саризель мертвы. Священный чертог обязательно пришлет карательную экспедицию, чтобы разобраться в случившемся.

— Это произойдет не раньше весны, — заверил его Восточный Зелёный Император. — Нам нужен всего месяц. Этого времени хватит, чтобы восстановить заброшенную Базу. К тому же скоро завершится инкубация Сириуса. Сириус, «Евангелие», Эндрю, Мо Бэй... они станут костяком нашей новой фракции. Главное — держать координаты Базы в строжайшем секрете. Что же касается гнева Священного чертога... они не станут истреблять беззащитных рабов. Рабочие руки нужны любой власти, а эти бедняки всё равно ничего не решают.

Император шагнул ближе. На его благородном лице отразилась тень заботы. Взяв со стола влажную салфетку, он бережно, почти невесомо стер следы копоти и слез со щеки Сян Наньли.

Сян Наньли замер, глядя в это безупречное, близкое лицо. В этот миг он почувствовал себя уязвимым восемнадцатилетним мальчишкой.

Пальцы Восточного Зелёного Императора на секунду задержались на его скуле, а затем он отступил на полшага:

— Соберись, Сян Наньли. Отныне ты — полноправный хозяин Вечного города. Твои люди ждут своего лидера. Иди и прими их верность.

<http://bllate.org/book/18349/1763504>